

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

YOUNG SCHOLAR'S ENDEAVOURS

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-3-23-192-209>

КАНСАЙСКИЙ ДИАЛЕКТ ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВСЕДНЕВНОЙ КОММУНИКАЦИИ И СИМВОЛ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

УДК 81'27

Егор С. Баранов

Российский
университет дружбы
народов им. Патриса
Лумумбы,

Российская Федерация

Аннотация

В статье исследуется функционирование кансайского варианта японского языка в современном коммуникативном пространстве региона Кансай. Особое внимание уделяется функционированию данного регионального варианта в качестве средства повседневного общения и символа региональной идентичности. Эмпирическую базу исследования составили данные социолингвистического анкетирования (179 респондентов в возрасте от 18 до 28 лет) и серии интервью, проведённых в студенческой среде Киото. Анкета включает следующие блоки: социodemографический, языковая биография, языковые компетенции, языковые практики, отношение к языку. Результаты исследования показали, что для кансайского диалекта в равной степени характерны обе функции: коммуникативная — как средство повседневного общения и символическая — как маркер региональной идентичности. Следует отметить, что он активно используется в неформальных и частных ситуациях и сферах коммуникации (в семье, между друзьями, в повседневном общении), тогда как в официально-деловой сфере его употребление ограничено. В то же время диалект воспринимается носителями как важный маркер локальной культуры и идентичности. Таким образом, кансайский языковой вариант сохраняет высокий уровень витальности: он служит удобным инструментом общения в повседневной жизни и одновременно поддерживает чувство общности и культурной непрерывности в регионе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: японский язык, кансайский диалект, региональные варианты языка, функциональное распределение языков, коммуникативные ситуации, языковая идентичность

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-3-23-192-209>

KANSAI DIALECT AS A TOOL OF EVERYDAY COMMUNICATION AND A SYMBOL OF REGIONAL IDENTITY

UDC 81'27

Egor S. Baranov

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba,
Russian Federation

Abstract

This article investigates the functioning of the Kansai variety of Japanese within the contemporary communicative landscape of the Kansai region. Special attention is given to assessing the extent to which this regional variety operates both as an everyday means of communication and as a symbol of regional identity. The study draws on empirical data from a sociolinguistic survey of 179 respondents aged 18 to 28, complemented by a series of interviews with university students in Kyoto. The questionnaire included standard sections on sociodemographics, language background, self-reported proficiency, domain-specific language use, and language attitudes. The results of the study showed that the Kansai dialect is equally characterized by both functions: communicative - as a means of everyday communication and symbolic - as a marker of regional identity. It is actively employed in informal and private domains, such as within families, among friends, and in everyday interactions, whereas its use in formal and official contexts is significantly constrained. Simultaneously, speakers perceive the dialect as a salient marker of local culture and identity. These results suggest that the Kansai variety exhibits high vitality, functioning as a practical tool for daily interaction while sustaining regional belonging and cultural continuity.

KEYWORDS: Japanese language, Kansai dialect, regional language varieties, functional distribution of language, communicative situations, linguistic identity

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Egor S. Baranov, 2025

1 | Введение

В истории японского языка не существовало прямой линии развития от древнеяпонского к современному. На разных этапах возникало несколько конкурирующих вариантов, которые то взаимодействовали, то, напротив, соперничали между собой. Сосредоточение политической власти и развитие образовательных институтов способствовали стабилизации и унификации языка, что постепенно привело к формированию стандартизованной языковой нормы и региональных диалектов (вариантов) языка. На протяжении веков столичные варианты – сначала вариант Хэйан (Киото), затем Эдо (Токио) – приобретали статус престижных образцов речи. Тем не менее, локальные разновидности языка сохраняются и сегодня: они продолжают активно использоваться в быту и культуре, выполняя важные идентификационные функции. Ярким примером является кансайский вариант японского языка, долгое время служивший основой языка литературы и до сих пор обладающий высоким престижем. Несмотря на определённую тенденцию к увеличению коммуникативной значимости токийского стандарта (особенно это заметно в формальных ситуациях и сферах общения), стоит отметить, что жители региона Кансай активно используют местный вариант в неформальной сфере и воспринимают его как часть своей региональной культуры. Закономерно возникновение вопроса о том, является ли сегодня кансайский вариант символом региональной идентичности или сохраняет роль полноценного средства повседневной коммуникации. В связи с этим автором статьи была предпринята попытка выявить специфику функционирования кансайского варианта японского языка в современной языковой практике региона на материале ряда типичных коммуникативных ситуаций. Прежде чем перейти непосредственно к обсуждению полученных результатов, представляется необходимым кратко осветить историю формирования норм японского языка и охарактеризовать роль кансайского варианта в этих процессах.

1.1 Формирование и развитие языковой нормы в японском языке

«В Японии на рубеже первого и второго тысячелетия нашей эры не существовало стандартного языка (то, что подразумевается под *хё:дзюнго*) в современном понимании этого термина, однако существовали варианты с элементами социально обусловленной нормы. В период Нара (710–794 гг.) в государстве Ямато таким вариантом был *яматого* (大和語), а с периода Хэйан (794–1185 гг.) вплоть до конца периода Муромати (1336–1573 гг.) киотский

вариант (*кё:то:го*, 京都語). С появлением сёгуната Токугава (1603–1867 гг.) постепенно сформировался уникальный вариант Эдо (*эдо:го*, 江戸語), в основе которого лежал вариант Канто (*канто:го*, 関東語) с добавлением элементов вариантов Киото и Осака (*кэйханго*, 京阪語), а также варианта Микава (*микаваго*, 三河語). Изначально вариант Эдо использовался лишь в пределах самого Эдо и его окрестностей, но с течением времени, по мере того как этот вариант стал распространяться по стране через литературные произведения, положение стандартного языка стало предметом конкуренции между Киото-го и Эдо-го (вариантами Киото и Эдо). При этом сохранялось превалирование вариантов Осака и Киото в качестве литературных⁴⁰ [*Kokugogaku jiten*, 1955: 776–777]. В эпоху Мэйдзи (1868–1912) на фоне европеизации прежние формы письма, прежде всего *камбун*, были признаны непригодными для новых условий. С 1880-х годов писатели и языковеды активно выступали за *гэмбун итти* (言文一致) – единство устной и письменной речи. В результате к началу XX века был сформирован новый литературный язык на разговорной основе, противопоставленный *бунго*⁴¹ и получивший название *ко:го* (口語). В 1902 году был учреждён Совет по изучению японского языка (*кокуго тё:са иинкай*, 国語調査委員会). В 1916 году появилась первая нормативная грамматика этого языка (*ко:го:хо*, 口語法). После 1945 года *ко:го* стал использоваться и в официальной сфере, окончательно вытеснив прежний письменный стиль [Алпатов, 2008]. Одновременно с распространением *ко:го* сохраняется устойчивое разнообразие диалектов, особенно в регионе Кансай. Региональные варианты продолжают активно функционировать в

⁴⁰ 過去の日本には、もちろん厳密な意味での標準語は確立していなかったと思われるが、規範的、理想的国語としての標準語はあった。奈良時代の大和語、平安時代以後室町末期に至る京都語が、それであった。徳川幕府が出現すると、関東語を中心とし、それに京阪語・三河語を加えて独特の江戸語が徐々に成立した。江戸語は初めは四里四方の江戸府内にだけ行われたが、文学作品を通じて各地に普及し始めた江戸後期には、標準語の位置が京都語と江戸語との間で争われるようになった。しかし、標準語としての京阪語の優越性はなお維持された。

⁴¹ Старописьменный японский язык — язык классической литературы Японии, сформировавшийся более тысячи лет назад в эпоху Хэйан в IX–XII вв. и сохранившийся до наших дней. В течение многих веков японский язык существовал в двух различных формах: разговорной и литературной. Со временем за этими формами закрепились названия: 口語 *ко:го* «устный язык» и 文語 *бунго* «письменный язык». Сейчас во всех сферах общественноязыковой практики господствует новый язык на основе *ко:го*, однако *бунго* не исчез: он сохраняется в стихотворных строках, изречениях, поговорках, также нередко встречается в классической литературе и употребляется для стилизации под старину и торжественность; нередко в виде отдельных грамматических форм в лозунгах, объявлениях и газетных заголовках. [Маевский, 1991: 3–4]

искусстве, быту, медиа и воспринимаются как «язык для своих», противопоставляемый «языку для чужих», то есть официальной норме [Алпатов, 1988; Алпатов, 2008]. Как подчёркивается в англоязычных исследованиях [Asahi et al., 2022: 632–633], современный стандартный японский язык представляет собой не естественно сформировавшуюся норму, а койне – разновидность, сформировавшуюся в ходе официального устного общения между представителями разных регионов на протяжении нескольких столетий. В частности, отмечается, что вариант японского языка, широко использовавшийся для устного общения в Японии, основан на определённой форме койне, которая сформировалась в результате использования языка в формальных контактах на протяжении нескольких сотен лет⁴² [Asahi et al., 2022: 632]. Это койне было стандартизировано и распространено через систему образования, вступительные экзамены, средства массовой информации и информационные технологии [Asahi et al., 2022]. До конца Второй мировой войны региональные диалекты, включая кансайский, были официально запрещены в школьной среде в рамках кампании по искоренению диалектов (*хогэн бокумэцу ундо*, 方言撲滅運動) [Asahi et al., 2022: 632].

Процесс стандартизации сопровождался усилением влияния токийской речи, которая постепенно стала ассоциироваться с представлениями о языковой норме. В «Справочнике по японским диалектам»⁴³ подчёркивается, что молодое поколение в Токио воспринимает свой вариант как стандартный, причём он не ограничивается формальной сферой: то, что молодое поколение в Токио считает стандартным японским, отличается от того, что считается таковым в регионах, поскольку не ограничивается официальной речью⁴⁴ [Kibe et al., 2025: 661]. Авторы также отмечают: поскольку токийцы считают, что их язык является стандартным японским, разговорная речь Токио, без сомнения, продолжит оказывать влияние как «сленг стандартного языка»⁴⁵ [Kibe et al., 2025: 661]. Таким образом, на фоне распространения токийской нормы сформировалась установка, согласно которой основной вариант воспринимался как само собой разумеющееся явление, оказывающее влияние на всю языковую ситуацию в стране.

⁴² The variety of Japanese that has been employed for oral communication in the wider network in Japan is based on some form of *koiné* which has been formulated through the use of the language in formal encounters over several hundred years — здесь и далее — перевод автора

⁴³ Handbook of Japanese Dialects [Kibe et al., 2025]

⁴⁴ What the younger generation of Tōkyō consider to be Standard Japanese differs from what is considered Standard Japanese in regional Japan, in that it is not limited to formal language

⁴⁵ With Tokyoites believing that their language is Standard Japanese, the casual language of the Tōkyō region will no doubt continue to exercise influence as “standard language slang”

Однако в других регионах, в частности, в регионе Кансай, отношение к собственному варианту складывалось по-другому. Речь молодёжи в Кансай осознаётся как регионально маркированная, но при этом сохраняющая культурную значимость. Даже среди молодёжи Киото фиксируется сохранение акцентной системы «кэйханского»⁴⁶ типа и умение переключаться между ней и стандартной системой: многие носители сохраняют акцентуацию типа Кэйхан и способны переключаться между акцентной системой Киото и акцентной системой стандартного японского языка⁴⁷ [Kibe et al., 2025: 733]. В отличие от восприятия столичной нормы как нейтральной и универсальной, здесь наблюдается устойчивое представление о своей речи как части региональной идентичности. Таким образом, языковая норма в Японии складывалась как результат исторической конкуренции региональных речевых практик, институциональной политики и социальной дифференциации общества. Особенно важную роль в этом процессе сыграл столичный вариант: сначала Хэйан (Киото), затем Эдо (Токио), что напрямую связано с положением кансайского диалекта, который на протяжении веков был языком литературы, а затем стал восприниматься как локально окрашенный, но социально значимый вариант.

1.2 Кансайский диалект: география, особенности и историческая роль

Кансайский диалект (*кансай хо:гэн*, 関西方言) представляет собой наиболее типичный из западных диалектов японского языка. Он охватывает регион Кинки, включая префектуры Киото, Осака, Хёго, Нара, Вакаяма, Сига и Миэ, и сохраняет активное функционирование в повседневной речи. В системе западной группы диалектов он занимает центральное положение наряду с диалектами регионов Тюгоку, Сикоку и Хокурику [Лобачёв, Быкова, 1990]. Исторически вариант региона Киото – Осака выполнял функцию литературного стандарта. Как уже было сказано, в эпоху Хэйан (794–1185 гг.), когда столица находилась в Киото, именно этот диалект стал базой языка *бунго*, который сохранялся в качестве нормы вплоть до XX века. Диалект Киото, в силу политического, культурного и экономического превосходства региона, воспринимался как престижный и «правильный» вариант [Сыромятников, 2002]. После переноса столицы в Эдо и становления нового политического центра кансайский диалект утрачивает статус нормы, однако сохраняет устойчивость и

⁴⁶ Кэйхан (京阪) — Осака и Киото

⁴⁷ Many speakers preserve the Keihan-type accentuation and are able to code-switch between the Kyōto and Standard Japanese accentual systems

влияние на формирование языковой нормы. Диалекты района Кансай продолжают развиваться, и их особенности прослеживаются даже в современном литературном японском языке. Отдельные вежливые формы, такие как *насару*, *ирассяру*, *оссяру* (аналоги литературных «делать», «идти/находиться», «говорить» в уважительной форме), произошли из западных вариантов и частично повлияли на лексику формирующегося койне [Лобачёв, Быкова, 1990]. Параллельно, как показывают исследования Такаги Тиэ, на уровне повседневной речи в регионе Кансай развился феномен контактного диалекта (сэссёку хо:гэн; 接触方言), в котором молодёжь смешивает элементы языкового стандарта хё:дзюнго (標準語) и местных форм [Takagi, 2006]. Е.Д. Поливанов также отмечал факт, что существуют различия в интонации вариантов японского языка [Поливанов, 1917]. В массовой культуре осакский вариант диалекта служил выразительным средством для создания образа комедийного или «приземлённого» персонажа. Танака Юкари в исследовании по использованию диалектов в виртуальной среде отмечает, что кансайский вариант стал стилистическим маркером, позволяющим мгновенно задать характер героя и вызвать у аудитории конкретные ассоциации и ожидания [Tanaka, 2021].

1.3 Социальные и символические функции кансайского диалекта

Изначально, когда Киото был важнейшим политическим, культурным и экономическим центром Японии, кансайский вариант имел высокий престиж и выполнял функцию культурной и литературной нормы [Современное российское японоведение..., 2017]. После того как литературный язык закрепился в качестве основного в официальной сфере, диалекты не исчезли, а заняли свою нишу: их используют в разговоре со «своими». Это не просто привычка, а устойчивая модель: стандарт – для «чужих», диалект – для «своих» [Алпатов, 1988; Алпатов, 2008]. Таким образом, кансайский диалект сохраняет устойчивое положение в японском социолингвистическом пространстве: он выполняет функции не только регионального средства общения, но и культурного символа (узнаётся всеми японцами; ему подражают даже носители других диалектов), маркера идентичности, инструмента художественной выразительности и стилистической дифференциации. Его жизнеспособность и социальная значимость делают его ключевым объектом исследования в контексте языковой витальности в современной Японии.

2 | Методология исследования

2.1 Методология исследования

Методологическая работа автора опирается на сочетание нескольких подходов и в целом относится к эмпирико-индуктивному типу. Инструментарий исследования включал социолингвистическую анкету и серию исследовательских интервью. Широко применялся метод включённого наблюдения. Анкета состояла из нескольких блоков, таких как социодемографические данные; вопросы, связанные с языковой биографией респондентов; вопросы, связанные с использованием ими языков в разных ситуациях, а также их отношением к кансайскому диалекту и японскому стандартному языку. В статье представлен анализ части полученных данных, в первую очередь, касающихся использования языка. Методика исследования в целом воспроизводит подход, описанный в работах С. А. Москвичёвой и М. М. Гасанова [Москвичёва и др., 2021; Москвичёва и др., 2024] и использует структуру анкеты, разработанную О. А. Казакевич [Казакевич, 2019].

Исследование сфокусировано на ряде наиболее распространенных ситуаций коммуникации в регионе Кансай. В частности, анализировались языковые практики (употребление местного языкового варианта) в публичных формальных (учёба, работа, официальные учреждения) и в неформальных (общение с друзьями, в быту) ситуациях, а также в семейной сфере. Данные ситуации были отобраны автором сознательно: они охватывают ключевые области повседневной жизни и позволяют оценить функциональное распределение диалекта при ограниченных временных и ресурсных возможностях исследования. Эмпирический материал был собран методом анкетного опроса и дополнительных интервью во время учебной стажировки автора, непосредственно пребывавшего в языковой среде на протяжении семи месяцев. Анкетирование было проведено в г. Киото в период с сентября 2024 г. по март 2025 г. среди студентов ряда вузов (Университет Киото Санге:, Университет До:сися, Киотский университет, Осакский университет). В опросе приняли участие 179 носителей японского языка в возрасте от 18 до 28 лет. Анкета включала как закрытые, так и открытые вопросы, сгруппированные по тематическим блокам: владение диалектом, сферы его употребления, географические ассоциации, языковые установки и мотивация. По завершении сбора данные были закодированы и проанализированы с использованием статистической программы Jamovi. Возможность проведения наблюдений «в поле» позволила зафиксировать реальные примеры использования кансайского диалекта представителями обозначенной возрастной группы в различных коммуникативных ситуациях.

2.2 Социодемографические данные

Все респонденты являлись студентами киотских вузов, что определило возрастной состав выборки (18–28 лет, представители молодого поколения). Важная особенность выборки – её географическая неоднородность. Участники исследования представляют различные префектуры Японии, включая сам регион Кансай и другие регионы страны. В частности, среди информантов есть выходцы из регионов Хокурику (Тояма, Фукуи, Исиока), Кюсю и Окинава (Окинава, Фукуока, Оита, Кумамото, Кагосима), Тюбу (Нагано, Гифу, Сидзуока, Айти, Яманаси), Канто (Канагава, Токио, Ибараки, Сайтама), Тохоку (Иватэ, Мияги) и Тюгоку (Тоттори, Хиросима, Симанэ, Ямагути, Окаяма). Таким образом, далеко не все респонденты являются носителями собственно кансайского диалекта, однако все они, благодаря обучению и повседневному общению, находятся в устойчивом контакте с местной языковой средой. Это означает, что представленная выборка позволяет выявить как особенности практики собственно носителей кансайского варианта, так и процессы адаптации и освоения данного диалекта приезжими в условиях территориальной мобильности населения.

3 | Результаты исследования

В данном разделе представлены и описаны результаты анализа, проведённого на основе данных, полученных в ходе анкетирования. Представленные ниже таблицы отражают распределение ответов респондентов по ряду ключевых параметров, касающихся владения кансайским диалектом (Таб. 1), региональных представлений о зоне распространения диалекта (Таб. 2), а также речевых практик – частоты употребления кансайского диалекта в различных ситуациях и сферах повседневной коммуникации (Таб. 3–6).

3.1 Владение кансайским диалектом и стандартным японским языком

В таблице 1 демонстрируется самооценка уровня владения кансайским диалектом и стандартным японским языком у респондентов.

Таблица 1. Варианты владения японским и кансайским диалектом

Владение вариантом	N	От общего
Только стандартный японский	18	10,1 %
Только кансайский диалект	36	20,2 %
Понимаю кансайский, но не говорю на нём	12	6,7 %
Владею обоими, стандартным лучше	18	10,1 %
Владею обоими, кансайским лучше	76	42,7 %
Свободно владею обоими (на одинаковом уровне)	18	10,1 %

Большинство респондентов (90 %) в той или иной степени владеют и стандартным японским, и кансайским диалектом. Только 10 % указали, что совершенно не владеют кансайским диалектом, и около 7 % владеют им пассивно (понимают, но не говорят). По всей видимости, это происходит из-за неполной языковой социализации, когда человек слышит диалект в окружении, но сам остаётся в границах стандарта. Следует отметить, что больше 60 % предпочитают использовать кансайский вариант. Из них около 43 % в одинаковой степени владеют обоими вариантами, а 20 % – только кансайским. Последний результат вызывает некоторое удивление, поскольку все респонденты являются студентами вузов, где преподавание ведётся на стандартном японском, а, следовательно, они должны в той или иной степени им владеть. Наиболее вероятное объяснение, по-видимому, следует искать в высокой символической лояльности респондентов к региональному идиому. Полученные данные свидетельствуют о высокой витальности диалекта среди представителей молодого поколения и его устойчивом положении в местной языковой ситуации. Оба варианта японского языка сосуществуют, занимая свои ниши общения в рамках функционального разграничения, а кансайский диалект проявляет себя в социальной жизни и коммуникации региона не в качестве маркера маргинального колорита, а как функциональный языковой вариант.

3.2 Речевые практики

В данном параграфе приводится оценка использования респондентами кансайского диалекта в различных коммуникативных ситуациях, прежде всего в городской и сельской местности. Далее обратимся к распределению использования данных вариантов в ситуациях различного типа. Предлагается выделить ситуации публичной официальной коммуникации, публичной неофициальной коммуникации и непубличное (семейное) общение.

3.2.1 Использование кансайского диалекта в городской и сельской местности

В таблице 2 представлены данные, которые показывают частотность использования кансайского диалекта в центре города, городской зоне, на окраинах города и в сельской местности.

Таблица 2. Использование кансайского диалекта в городской и сельской местности

Зона использования	Всегда	Часто	Редко	Никогда
Центр города	68,2 %	25,1 %	3,4 %	3,4 %
Городская зона	63,7 %	27,9 %	3,9 %	4,5 %
Периферия городской агломерации	65,4 %	24,6 %	5,6 %	4,5 %
Сельская местность	72,1 %	14,5 %	8,9 %	4,5 %

Данные таблицы 2 свидетельствуют о том, что в разных территориальных зонах большинство респондентов отмечают использование кансайского диалекта. В центре города 68,2 % опрошенных наблюдают использование кансайского диалекта «всегда»; сопоставимые показатели наблюдаются и в остальных городских районах. В сельской местности доля постоянного употребления диалекта несколько выше (72 % «всегда») – такие результаты могут быть обусловлены меньшей необходимостью использования нормативного варианта, однако в целом различия между городом и селом невелики. Иными словами, кансайский диалект повсеместно сохраняет функцию основного средства повседневного общения, независимо от локации, что указывает на его устойчивую витальность в регионе.

3.2.2 Публичные официальные ситуации

В таблице 3 представлены данные об использовании кансайского диалекта в формальных сферах коммуникации – в учебном заведении, на работе и прочих официальных учреждениях, где, как правило, доминирует стандартный язык.

Таблица 3. Частота использования в зависимости от ситуации: публичная официальная коммуникация

Домен общения	Всегда	Часто	Редко	Никогда
На работе (с клиентами, начальством)	15,6 %	13,4 %	26,3 %	44,7 %
На работе (с коллегами)	45,8 %	23,5 %	10,6 %	20,1 %
Учёба (в университете)	63,7 %	22,3 %	4,5 %	9,5 %
В государственных учреждениях	30,7 %	16,8 %	21,8 %	30,7 %
В банке	31,8 %	13,4 %	24,6 %	30,2 %
В больнице/клинике	33,5 %	16,8 %	22,3 %	27,4 %

Результаты показывают, что даже в официальных и институциональных сферах (работа, медицинские и финансовые учреждения, учебная среда) кансайский диалект продолжает активно употребляться и сохраняет хорошие позиции. Самые высокие значения регулярного использования наблюдаются в университете и на рабочем месте, тогда как в формальных ситуациях (больница, банк, библиотека) заметна более высокая доля ответов «редко» и «никогда». Использование диалекта во многом зависит от собеседника: со знакомыми (а это могут быть коллеги на работе, сокурсники, преподаватели университета в неформальной обстановке) диалект широк распространён (63,7 % в университете и 45,8 % на

работе). Минимальные показатели (15,6 %) относятся к использованию диалекта при формальном общении на рабочем месте.

3.2.3.1 Публичные неофициальные ситуации: общественные места

В таблице 4 представлены данные по употреблению форм кансайского диалекта в типичных публичных неофициальных ситуациях: при посещении кафе и магазинов, в транспорте, библиотеках и на спортивных объектах.

Таблица 4. Частота использования в общественных местах

Домен общения	Всегда	Часто	Редко	Никогда
В кафе/ресторане	38,5 %	17,9 %	22,3 %	21,2 %
В магазинах (общий случай)	41,3 %	18,4 %	19,0 %	21,2 %
В продуктовых магазинах	39,7 %	17,3 %	18,4 %	24,6 %
В супермаркете	40,8 %	15,6 %	19,0 %	24,6 %
В торговом центре (ТЦ)	44,1 %	16,8 %	17,3 %	21,8 %
В общественном транспорте	45,3 %	17,9 %	15,6 %	21,2 %
В библиотеке	41,3 %	13,4 %	17,9 %	27,4 %
В спортзале/бассейне	41,9 %	20,1 %	14,0 %	24,0 %

Согласно таблице 4, в повседневных публичных местах местный диалект употребляется достаточно широко. В большинстве рассмотренных ситуаций более половины респондентов сталкиваются с использованием диалекта постоянно либо довольно часто (в сумме варианты «всегда» и «часто» дают приблизительно от 55 % до 65 %). Лишь около одной пятой части опрошенных (примерно 20–25 %) не отмечают использование диалекта в подобных неофициальных ситуациях, остальные респонденты, но заявляют о его присутствии хотя бы изредка, что может быть обусловлено наличием респондентов, для которых кансайский диалект не является родным. Эти результаты показывают, что в неформальной публичной обстановке кансайский вариант для большинства носителей выступает привычным коммуникативным кодом, тогда как строго придерживается литературного стандарта лишь сравнительно небольшая группа населения.

3.2.3.2 Публичные неофициальные ситуации: досуг и развлечения

В таблице 5 приведены данные о частоте использования кансайского диалекта в культурно-развлекательной сфере: на театральных представлениях, концертах, в клубах и кино.

Таблица 5. Частота использования в публичных неофициальных ситуациях: досуг и развлечения

Домен общения	Всегда	Часто	Редко	Никогда
В театре	40,2 %	18,4 %	17,3 %	24,0 %
На концерте	41,9 %	17,3 %	16,2 %	24,6 %
В клубе	54,2 %	14,0 %	8,4 %	23,5 %
В кинотеатре	41,3 %	17,9 %	17,9 %	22,9 %

Как показывают данные таблицы 5, даже в культурно-развлекательных учреждениях (театры, концерты, клубы, кино) более половины респондентов регулярно говорят на кансайском диалекте (совокупная доля ответов «всегда» и «часто» превышает 50 % в каждом из указанных случаев). Вместе с тем, в этих контекстах наблюдается несколько более высокая, чем в обыденном общении, доля тех, кто вообще не пользуется диалектом (около четверти опрошенных – 22-25 %). Это свидетельствует о том, что выбор языкового варианта отчасти зависит от характера мероприятия, его аудитории и обстановки: в формально-культурной среде некоторые говорящие предпочитают придерживаться стандарта. Тем не менее, кансайский диалект распространён и в сфере досуга и развлечений: он не вытесняется полностью стандартным языком, сохраняя свою роль маркера местной культуры.

3.2.4 Непубличная коммуникация

В таблице 6 отражено использование диалекта в неофициальной обстановке, т.е. дома в семье и/или в месте проживания (общежитии).

Таблица 6. Частота использования в непубличных ситуациях

Домен общения	Всегда	Часто	Редко	Никогда
В семье (в разговоре с родными)	66,5 %	8,4 %	10,1 %	15,1 %
В общежитии/студенческом кампусе	55,9 %	24,0 %	5,0 %	15,1 %

Согласно приведённым результатам, показатели постоянного использования диалекта достаточно высоки. Примерно две трети опрошенных всегда разговаривают на диалекте в семье, и лишь около 15 % совсем не используют его дома. В студенческой среде (общежитие, кампус) диалект также преобладает в общении (более половины ответов «всегда»), хотя

примерно каждый шестой респондент признаёт, что не использует в этих ситуациях диалектные формы.

4 | Индивидуальные языковые репрезентации и стратегии

Для уточнения результатов анкетирования был проведён индивидуальный опрос в форме интервью. Информантами являлись японские студенты – носители осакского, киотского варианта кансайского диалекта, а также вариантов Сига и Хёго. С раннего возраста кансайский диалект выступает для первого информанта как основная форма коммуникации: *関西弁* (кансай бэн; кансайский диалект), *南大阪弁* (минами о:сака бэн; южный осакский вариант). Диалект прочно ассоциирован с семейным общением, что доказывает следующий ответ: «В семье обычно мы разговаривали на кансайском. Кансайский». Этот факт коррелирует с результатами анкетирования, в котором 66,5 % респондентов отметили, что «всегда» используют кансайский диалект в семье (Таблица 6). Отвечая на вопрос о значимости сохранения родного диалекта, один из информантов оценил её как высокую, пояснив: «Потому что это... идентификация». Коммуникативное поведение того же информанта в повседневности демонстрирует доминирование диалектной формы: «Да, использую. Конечно, использую». Однако в ситуациях, связанных с работой, его речевое поведение меняется: «На работе редко использую, потому что, да, вежливая форма. Но, конечно, в Кансае – кансайский тоже можно использовать». Данная поведенческая стратегия находит выражение и в результатах проведённого нами опроса, где только 45,8 % респондентов используют диалект «всегда» в рабочих контекстах, тогда как 20,1 % – «никогда» (Таблица 3). Это может свидетельствовать о частичном переходе к стандарту в институциональной сфере при сохранении региональной нормы в неформальной коммуникации. Информант также подчёркивает различия внутри самого региона Кансай: «В Киото они используют кансайский, но интонация и слова немного отличаются... Я понимаю, но не говорю так же. В Киото – немного мягче, в Осаке – резче». Это высказывание фиксирует существование локальных различий в пределах региона. Интонационный компонент воспринимается как центральный признак варианта: «Интонация – главное. Даже японцы из Токио не могут говорить так, как мы. Это слышно сразу. Я приезжал в Токио – люди слышали, что я из [префектуры] Сига», – поясняет третий респондент. Таким образом, интонация не только выполняет функцию фонетического различия, но и маркирует принадлежность говорящего к определённому региональному сообществу. Кроме того, более 40 % респондентов заявили, что «всегда» слышат кансайский диалект в публичных пространствах и транспорте (таблица 4), что говорит

о высокой степени его распространённости в местной языковой среде. Отдельно один из информантов отмечает, что влияние медиа- и образовательной среды приводит к уменьшению использования кансайского диалекта среди детей: «Маленькие дети – они говорят на стандартном. Потому что, наверное, из интернета или из YouTube – они все говорят на стандартном японском... Кансайский используют меньше по сравнению с нами». Это также указывает на воздействие медиастандарта как фактора языковой унификации. Таким образом, индивидуальные репрезентации подтверждают ключевые закономерности, зафиксированные в анкетировании: стабильность использования кансайского в быту, его частичное вытеснение в формальных ситуациях, восприятие внутренней диалектной дифференциации и символическая функция интонации как маркера региональной идентичности.

5 | Заключение

Полученные в результате проведённого анкетирования данные свидетельствуют о сохранении высокой витальности кансайского диалекта среди представителей молодого поколения в современном языковом сообществе региона. Диалект широко используется как в неформальной, так и в формальной коммуникации: в большинстве изученных сфер подавляющее большинство носителей (около 70–80 %) говорят на нём постоянно или часто, причём ожидаемо более активно в неформальной обстановке, но он заметен и в официально-деловых ситуациях. Иными словами, кансайский вариант языка по-прежнему выполняет значимую инструментальную функцию повседневного общения и не вытесняется полностью стандартным языком даже из публичной сферы. Это, в свою очередь, указывает на благоприятные перспективы его сохранения как живой языковой традиции. Важно подчеркнуть, что кансайский диалект остаётся не только средством общения, но и одним из ключевых элементов региональной идентичности жителей Кансая. По нашим наблюдениям и материалам интервью, носители осознают культурную ценность своего варианта и стремятся его поддерживать. Один из респондентов прямо заявил, что сохранение родного варианта для него – «важно, потому что это идентичность» (респондент из Осаки). Кроме того, участники интервью подтвердили характерную для региона модель языкового поведения: в формальной обстановке (например, при общении с начальством или клиентами) они могут перейти на стандартный японский, тогда как между собой им привычнее говорить на кансайском. Таким образом, результаты анкетирования как количественного метода полностью согласуются с данными качественного метода (интервью). По мнению носителей языка, местный диалект для них является естественной формой речи в большинстве жизненных ситуаций и символом

общей региональной культуры. Отметим, что данное исследование имело ряд ограничений. Во-первых, выборка включала преимущественно молодёжь (студентов) Киото, и рассмотренный перечень коммуникативных ситуаций был ограничен типичными сценариями студенческой и городской жизни. Это сужает возможность обобщения результатов, справедливых для представителей всех возрастных категорий населения региона: в работе не были подробно охвачены представители старших поколений, жители отдалённых сельских районов и иные социальные группы. Во-вторых, исследование фокусировалось на заявленных языковых практиках, что может не полностью отражать всё многообразие стилевого репертуара говорящих. В дальнейшем представляется перспективным расширить рамки исследования, включив в выборку разновозрастных и социально разнообразных респондентов (например, представителей старшего поколения и сельских жителей вне университетской среды); также представляется возможным рассмотреть более широкий спектр ситуаций общения, что позволит подтвердить, сохраняются ли выявленные нами в рамках данного исследования тенденции в прочих сообществах района Кансай и при иных условиях, а также расширить понимание функционирования диалекта и динамики его развития.

ЛИТЕРАТУРА

- Алпатов В. М. (1988) Япония. Язык и общество // М.: Наука. 136 с. (Культура народов Востока. Материалы и исследования).
- Алпатов В. М. (2008) Япония: язык и культура // М.: Языки славянских культур. 206 с. (Studia Philologica).
- Казакевич О. А. (2019) Анкета для эвенков // Режим доступа: https://socio-siberian-lang.minlang.site/sites/default/files/2021-01/Anketa_2019_Evenki.docx Дата обращения: 03.04.2025.
- Лобачёв Л. А., Быкова С. А. (1990) Учебное пособие по японской диалектологии // М.: Изд-во МГУ. 63 с.
- Маевский Е. В. (1991) Учебное пособие по старописьменному японскому языку (бунго) // М.: Изд-во МГУ. 128 с.
- Москевичева С. А., Гасанов М. М. (2021) Языковые практики и языковые идеологии при передаче языка в азербайджанской общине в Москве // Томский журнал ЛИНГ и АНТР. № 3 (33). С. 59–69.
- Москевичева С. А., Гасанов М. М. (2024) Азербайджанский язык в московской общине азербайджанцев: символические параметры языковой ситуации в сопряжении с социодемографическими факторами // Социолингвистика. № 1 (17). С. 44–60. DOI: 10.37892/2713-2951-1-17-44-60.
- Поливанов Е. Д. (1917) Психофонетические наблюдения над японскими диалектами: I. Говор деревни Мие, преф. Нагасаки, уезда Ниси-Соноки. II. Музыкальное ударение в говоре Киото // Петроград: тип. М. П. Фроловой (влад. А. Э. Коллинс). XXIV, 113 с.
- Современное российское японоведение: оглядываясь на путь длиною в четверть века / под ред. Д. В. Стрельцова. (2017) // М.: АИРО-XXI. 447 с.
- Сыромятников Н. А. (2002) Древнеяпонский язык. 2-е изд. // СПб.: Вост. лит. 175 с.

- Сыромятников Н. А. (2019) Развитие новояпонского языка / под общ. ред. Н. И. Конрада. 2-е изд., стереотип. // М.: Едиториал УРСС. 302 с.
- Asahi, Y., Usami, M., Inoue, F. (Eds.) (2022) Handbook of Japanese Sociolinguistics // Boston; Berlin: Walter de Gruyter. 653 p. (Handbooks of Japanese Language and Linguistics; Vol. 8).
- Kibe, N., Nitta, T., Sasaki, K. (Eds.) (2025) Handbook of Japanese Dialects // Boston; Berlin: Walter de Gruyter. 987 p. (Handbooks of Japanese Language and Linguistics; Vol. 7). DOI: 10.1515/9781501501937-202.
- Kokugogaku jiten. (1955) Dictionary of Japanese Linguistics // Tokyo: Tōkyōdō. 1249 p. (In Japan).
- Takagi, Chie. (2006) Sesshoku hōgen toshite no Kansai hōgen: Jakunensō no hanashikotoba ni miru gengo henka [Kansai dialect as a contact dialect: language change in the speech of the younger generation] // Handai Nihongo Kenkyū. Bessatsu, no. 2. Osaka: Department of Japanese Linguistics, Graduate School of Letters, Osaka University. 218 p. (In Japan).
- Tanaka, Y. (2021) Vācharu Hougen Kenkyū no Tenkai [Development of Virtual Dialect Research] // Research Report for KAKENHI Project No. 18K00623. Nihon University. Available at: <https://kaken.nii.ac.jp/file/KAKENHI-PROJECT-18K00623/18K00623seika.pdf>. Accessed: 02.04.2025. (In Japan).

REFERENCES

- Alpatov V. M. (1988) *Yaponiya. Yazyk i obshchestvo* [Japan: Language and society]. Otv. red. V. N. Goreglyad; AN SSSR, Otd-nie istorii, In-t vostokovedeniya. Moscow: Nauka. 136 p. (Kultura narodov Vostoka. Materialy i issledovaniya). (In Russian).
- Alpatov V. M. (2008) *Yaponiya: yazyk i kultura* [Japan: Language and culture]. Moscow: Iazyki slavianskikh kultur. 206 p. (Studia Philologica). ISBN 978-5-9551-0273-3. (In Russian).
- Kazakevich O. A. (2019) *Anketa dlya evenkov* [Questionnaire for the Evenks]. Available at: https://socio-siberian-lang.minlang.site/sites/default/files/2021-01/Anketa_2019_Evenki.docx (Accessed: 03.04.2025). (In Russian).
- Lobachev L. A., Bykova S. A. (1990) *Uchebnoe posobie po yaponskoy dialektologii* [Textbook on Japanese dialectology]. Moscow: Izd-vo MGU. 63 p. ISBN 5-211-01885-0. (In Russian).
- Maevsky E. V. (1991) *Uchebnoe posobie po staropismennomu yaponskomu yazyku (bungo)* [Textbook on Classical Written Japanese (bungo)]. Moscow: Izd-vo MGU. 128 p. ISBN 5-211-01886-9. (In Russian).
- Moskvicheva S. A., Gasanov M. M. (2021) *Yazykovye praktiki i yazykovye ideologii pri peredache yazyka v azerbaidzhanskoy obshchine v Moskve* [Language practices and language ideologies in language transmission in the Azerbaijani community in Moscow]. *Tomsky zhurnal LING i ANTR*, No. 3(33), pp. 59–69. (In Russian).
- Moskvicheva S. A., Gasanov M. M. (2024) *Azerbaidzhanskiy yazyk v moskovskoy obshchine azerbaidzhantsev: simvolicheskie parametry yazykovoy situatsii v sopryazhenii s sociodemograficheskimi faktorami* [Azerbaijani language in the Moscow Azerbaijani community: symbolic parameters of the linguistic situation in connection with socio-demographic factors]. *Sociolinguistica*, No. 1(17), pp. 44–60. DOI: 10.37892/2713-2951-1-17-44-60. (In Russian).
- Polivanov E. D. (1917) *Psikhofoneticheskie nablyudeniya nad yaponskimi dialektami: I. Govor derevni Mie, pref. Nagasaki, uezda Nisi-Sonoki. II. Muzykalnoe udarenie v govore Kioto* [Psychophonetic observations on Japanese dialects: I. Speech of Mie village, Nishisonogi District, Nagasaki Prefecture; II. Musical accent in the speech of Kyoto]. Petrograd: tip. M. P. Frolovoy (Vlad. A. E. Kollins). XXIV, 113 p. (In Russian).
- Strelcov D. V. (ed.) (2017) *Sovremennoe rossiyskoe yaponovedenie: oglyadyvayas na put dlinoyu v chetvert veka* [Modern Japanese Studies in Russia: Looking back at a quarter-century path]. Moscow: AIRO-XXI. 447 p. ISBN 978-5-91022-329-9. (In Russian).

- Syromyatnikov N. A. (2002) *Drevneyaponskiy yazyk* [Old Japanese language]. 2nd ed. Saint Petersburg: Vost. lit. 175 p. (Yazyki narodov Azii i Afriki / Ros. akad. nauk. In-t vostokovedeniya). ISBN 5-02-018344-X. (In Russian).
- Syromyatnikov N. A. (2019) *Razvitie novoyaponskogo yazyka* [Development of the Modern Japanese language]. Pod obshch. red. N. I. Konrada. 2nd ed., stereotyp. Moscow: Editorial URSS. 302 p. (Yazyki narodov mira). ISBN 5-354-00563-9. (In Russian).
- Asahi Y., Usami M., Inoue F. (eds.) (2022) *Handbook of Japanese Sociolinguistics*. Boston; Berlin: Walter de Gruyter. 653 p. (Handbooks of Japanese Language and Linguistics; Vol. 8). ISBN 978-1-5015-0747-2.
- Kibe N., Nitta T., Sasaki K. (eds.) (2025) *Handbook of Japanese Dialects*. Boston; Berlin: Walter de Gruyter. 987 p. (Handbooks of Japanese Language and Linguistics; Vol. 7). DOI: 10.1515/9781501501937-202. ISBN 978-1-5015-0841-7.
- Kokugogaku jiten. (1955) [Dictionary of Japanese Linguistics]. Tokyo: Tōkyōdō. 1249 p. (In Japan).
- Takagi Chie. (2006) *Sesshoku hōgen toshite no Kansai hōgen: Jakunensō no hanashikotoba ni miru gengo henka* [Kansai dialect as a contact dialect: language change in the speech of the younger generation]. *Handai Nihongo Kenkyū. Bessatsu*, No. 2. Osaka: Department of Japanese Linguistics, Graduate School of Letters, Osaka University. 218 p. (In Japan).
- Tanaka Y. (2021) *Vācharu Hōgen Kenkyū no Tenkai* [Development of Virtual Dialect Research]. *Research Report for KAKENHI Project No. 18K00623*. Nihon University. Available at: <https://kaken.nii.ac.jp/file/KAKENHI-PROJECT-18K00623/18K00623seika.pdf> (Accessed: 02.04.2025). (In Japan).

Баранов Егор Сергеевич – студент, филологический факультет, Российский университет дружбы народов имени Патрика Лумумбы (РУДН), Российская Федерация.

Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

Эл. адрес: baranovess33@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0004-8850-8112>

Egor S. Baranov – student, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) named after Patrice Lumumba, Russian Federation.

Address: Miklukho-Maklaya St. 6, Moscow, Russian Federation, 117198.

E-mail: baranovess33@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0004-8850-8112>

Для цитирования: Баранов Е.С. Кансайский диалект японского языка как инструмент повседневной коммуникации и символ региональной идентичности // Социолингвистика. 2025. № 3 (23). С. 192–209. DOI: 10.37892/2713-2951-3-23-192-209

For citation: Baranov E.S. Kansai dialect of the Japanese language as a tool of everyday communication and a symbol of regional identity // Sociolinguistica. 2025. No. 3 (23). Pp. 192–209. (In Russian). DOI: 10.37892/2713-2951-3-23-192-209

Заявление о конфликте интересов | Conflict of interest statement

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 23.04.2025;
approved after reviewing 30.08.2025;
accepted for publication 02.10.2025.